

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 96 (4221)

Суббота, 13 августа 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЕЩЕ ОДНА ГЭС!

Считанные дни остались до пуска первого агрегата Бухтарминской ГЭС. Еще один мощный гидроузел вступает в строй действующих. Он даст тон, торжественный металлургическим предприятиям, молотам и совоксам Восточно-Казахстанской области. Самая высокая в стране плотина стала на пути бурного Иртыша. На сотни километров протянулись одно из крупнейших искусственных водохранилищ.

ВЕНГРИЯ ПОКАЗЫВАЕТ

Вчера в Москве на территории Центрального парка культуры и отдыха имени Горького открылась промышленная выставка Венгерской Народной Республики. До 4 сентября москвичи могут познакомиться здесь с последними достижениями венгерского народного хозяйства. В павильонах представлены различные отрасли промышленности, техника связи, химическое и механическое оборудование, машиностроение, предметы широкого потребления.

На открытии выставки присутствовали товарищи А. Б. Арестов, А. И. Брежнев, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, М. А. Суев. С речью выступил А. И. Микоян. Выставку открыл председатель Революционного рабоче-крестьянского правительства Венгерской Народной Республики Ференц Мюнкши, передавший в своей речи братский привет и сердечные пожелания от венгерского народа.

В духе новых заданий, построенных нашими венгерскими друзьями, размещенными в современном гараже с полным обслуживанием автомашин и ресторан. Посмотрев последние марки легковых, грузовых, тракторных автомашин и сельскохозяйственных машин, посетители могут ознакомиться с искусством венгерских кулинов. Ресторан обслуживает за день в среднем 35 000 человек благодаря автоматизированному приготовлению пищи при помощи инфракрасных лучей.

ПЯТНАДЦАТОГО августа 1945 года на Дальнем Востоке произошло событие, ставшее исторической вехой в жизни корейского народа. Японский империализм, подобно сплуту, дувший в Корею, был выброшен с ее земли Советской Армией. Сорок лет длилось колониальное иго. Целое поколение корейцев не знало своей государственности. У трудолюбивого талантливого народа пытались отнять даже родной язык, заменив его японским. И вот пришел конец жестокому гнету японских колонизаторов!

Но не успел корейский народ вкусить свободу, как на его земле водворились заокеанские притеснители — американские империалисты. Страна оказалась разрезанной надвое. А в 1950 году смертоносный тафун омыл небо над полуостровом. Американские агрессоры и лисьянмановская клика пошли войной на Бореискую Народно-Демократическую Республику.

Более трех лет отражал волюнтерский мужественный народ атаки врага, вознамерившегося пробить здесь брешь в социалистическом лагере. Великая жизнелюбивость молодой республики помогла ей нанести поражение интервентам, а затем встать на ноги, поднять из руин города и селения, цехи заводов и плотины гидроэлектростанции.

Во главе со своей Трудовой партией корейские люди с радостью и энтузиазмом строят новую жизнь.

Если на севере Кореи с каждой утренней зарей начинается день созидания, то на юге полуострова рождающийся день несет с собой муку нищеты и голода сотням тысяч безработных, бездомных слепот, крестьян, покинувших свои обездоленные деревни.

Вспоминается Паньмыньжон у 38-й параллели, где летом 1953 года было подписано перемирие. Я стоял на холме, а вокруг, до эту сторону демаркационной линии, лаская глаз, желтели любовно возделанные рисовые поля. Здесь была жизнь. Но не было жизни по ту сторону водораздела. Там все поросло бурьяном и чертополохом. Американцы и банды не подпускают к этим местам жококорейцев. Сама природа казалась там мертвой.

Я не мог не задуматься над тем, как 38-я параллель, искусственно разорвав страну, в то же время разделила полуостров на две части с совершенно противоположными социальными системами. Здесь, на рубеже двух миров, с особенной остротой я почувствовала ценность социалистического строя.

Вспомнился мне «знаменитый» предельно циничный декрет американского генерала Макартура, изданный сразу же после появления заокеанских пришельцев в Южной Корее. Вот он, этот декрет: «Облеченный верховной властью, представляю мне, главнокомандующему американскими войсками на Тихом океане, огнем я осуществляю на территории Кореи, расположенной к югу от 38-й параллели, и над проживающим там населением военную администрацию...

Население должно беспрекословно выполнять мои приказы. Лица, которые выразят неуважение по отношению к американским оккупационным войскам или нарушат каким-либо образом порядок, установленный американским военным командованием в Южной Корее, будут строго караться, вплоть до смертной казни...»

Так было пятнадцать лет назад. Такая же атмосфера произвола господствовала по существу в Южной Кореи и ныне. Путь идет от одних самых реакционных в мире режимов властвует над южнокорейским населением. Там погуга чести и права народа. Там все издевается на руге и бесправия. Стремясь сломить недовольство народа и потрогать своим американским козырем, правители Южной Кореи бросают в тюрьмы тысячи патриотов.

Напрасно, однако, предаются иллюзиям

НАШИ КОРЕЙСКИЕ БРАТЯ

Тихон СЕМУШКИН,
член правления Советско-Корейского общества друзей

Ям те, кто хотел бы остановить полове. Судьба, постигшая Ли Сын Мана, возведенного американцами в «отца корейского народа», постигнет всех пытающихся идти против воли народа. Ибо «пламя веером не погасишь». Даже самые длинные штаны американских империалистов бессильны остановить великое брожение умов, стремление миллионов людей к свободе и независимости...

Успехи КНДР в строительстве новой жизни вдохновляют народ Южной Кореи на борьбу за свое освобождение, за осуществление мечты об объединении страны.

Нам, советским людям, импонируют энергия и целеустремленность новой Кореи, ее оптимизм. Нас радует, что с дружеской помощью Советского Союза, всех социалистических стран КНДР обновила свою опаленную землю. Нельзя без искреннего уважения говорить о том, как пошла огромная урон Северная Корея превратилась из отсталой, в прошлом аграрной страны в индустриально-аграрную социалистическую республику с собственной металлургией, станкостроением, химической, горной и машиностроительной промышленностью, с отчетливым автомобилестроением и тракторостроением, с собственным производством экскаваторов, электровозов и многих других машин.

Сегодня в Корейской Народно-Демократической Республике за двадцать дней производится столько промышленных изделий, сколько выпускалось за весь 1946 год. Сегодня по производству электроэнергии на душу населения народная Корея оставила позади такие страны, как Япония и Италия. Если в Южной Кореи более 80 процентов жилых домов не имеет электричества, если в Сеуле, по признанию американской газеты «Уолл-стрит Джорнал», «...лапки вечера освещаются фонарями из-за отсутствия устойчивой подачи электроэнергии», то КНДР близка к завершению полной электрификации.

вплоть до самых отдаленных горных селений. Кстати, министр электроэнергетики КНДР не раз выражал готовность предоставить электроэнергию Южной Кореи, но американские оккупанты препятствуют этому. Они бесстыдно замалчивают гуманитарные предложения, направленные на облегчение нужд народа.

Ныне в КНДР, в городе и деревне, безраздельно господствуют социалистические производственные отношения. Здесь учится каждый четвертый житель. Широкие перспективы открываются перед корейским народом для создания все большего изобилия материальных и духовных богатств.

Знаменательный факт. За последнее время в КНДР прибыли из Японии десятки тысяч репатриантов-корейцев. Большинство из них — уроженцы Южной Кореи. Но они предпочитают ехать в Корейскую Народно-Демократическую Республику. Молодой Ким Ин Чан, став студентом Пхеньянского университета, говорит: «Я теперь живу в объятиях любимой родины. Удивитель — моя семья, студенты — братья и сестры... Правда и счастье — это моя собственность».

Отмечая славную годовщину освобождения, корейский народ может и впредь рассчитывать на искреннюю и бескорыстную помощь друзей — великой Советской державы, всего социалистического лагеря. Мы желаем нашим корейским товарищам новых побед, великих и прекрасных свершений!

Лучшие из лучших советских спортсменов идут на XVII Олимпийские игры. Анатолий Михайлов — ученик заслуженного тренера СССР Виктора Ильича Алексеева, и это говорит о многом. Ведь Алексей — советский чемпион и мировой рекордсмен — это почти всегда синонимы. Правда, в данном случае еще действует осторожное «почти». Михайлов пока не отобрал мирового рекорда в беге на 110 метров с барьерами у спортсмена из ФРГ Мартина Плузера, но ему удалось уже однажды победить своего грозного соперника. Михайлов пробегает дистанцию в отличные время — 13,7 секунды, и у нас есть все основания рассчитывать на его успех в Риме...

Анатолий Триставкин

ТРИ МИЗНИ

— Я не умею.
— Так я покажу. Давай, что ли! Скоро их в коридоре стало двое.
— Руки шире. Ну, подтягивайся. Да вот так! — Борис злился и утаивал. На каждый день он приползал к Галке и говорил:

Прогулемся?
И они ползли. Он говорил, вскидывая брови, надвигаясь кровью от невероятных усилий:
— Ведь ходить — это наша жизнь сейчас! Понимаешь, Галка? Отдохни. Я тебе расскажу о Братске. Есть у меня в бригаде такой шалопай — Толя Грибачев. Молодой, но деркий и поворотливый. Так вот, он недавно поехал в Чехословакию. Там тоже электростанцию строят. И, знаешь, есть в чешском языке слово — жижен. Ну, звучит, как наша жизнь. А перевод — жажда! Чешу?.. Вот и у меня жажда на эту жизнь, такая жажда, такая жажда, что их несколько мне мало. А тут вот одна небольшая разблалась... Первую прожил и думал — короче, братишка. Это когда оно больше, хорошо бы в гости явился исцелитель из той книги. Правда же? Желаю Вам отличного настроения и здоровья. Валя.

ВТОРОЕ ПИСЬМО
П ИШЕТ Вам медработник Братска. От души радуюсь. Борис, даже самым маленьким Вашим успехам в выздоровлении. Из малого складывается великое. Только нужно время. Знаете, я читала книгу «Репортаж из XXI века», или просто «XXI век», точно сейчас не помню. Там фантастика, но в основу взято правдоподобие, и вот о медицине в ней тоже есть, как хирург без ножа и крови оперирует успешно больного за несколько минут. Я когда читала, думала, какие счастливые будут большие, когда бы в нем, хотя бы в некоторое время, хоть бы в гости явился исцелитель из той книги. Правда же? Желаю Вам отличного настроения и здоровья. Валя.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО
РОЧИТАВ заметку в газете, решил написать Вам несколько строчек. Печально, что все так произошло в Вашей жизни. Но, главное, выше голову, не унывать, и все будет хорошо. Прочитай заметку, мы поняли, что человек Вы волевой, сильный. Может, у Вас бывают минуты отчаяния, но Вы старайтесь думать о том, что Вы возвратитесь в строй. Вы будете ходить, танцевать, играть в футбол и даже забудете о том, что Вас беспокоило. Это правда!
Наверное, у Вас есть подруга, которая любит Вас и в эту трудную минуту протягивает руку помощи. Вот ради ее любви Вы и должны выздороветь. С уважением к Вам Томила. Галка.

ПИСЬМА ОТ ДРУЗЕЙ
БОРИС сбил колени так, что о «ходьбе» не могло быть и речи. Теперь он валялся целыми днями в кровати и «хандрочил». Книжки он, кажется, перечитал все, что было вокруг. Сестра приносила поест, спрашивала:
— Как колени?
— Болят.
— А ты нечего валяешься, ты костыли пруди.
— Никаких костылей! В жизни до них не дотронусь, ясно? Я или встану по-человечески, или... Ясно?
— Да ясно, ясно. Вот письма тебе. Получай.

И вся хандра прошла сразу. Одно письмо было от Карасева, остальные от знакомых друзей. Но как они нужны были, письма, вот в такую минуту! Борису читал их вслух всей палате, потому что каждого касались эти письма и каждому представлялось, что они относятся к нему.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО
З ДРАВСТВУИ, дорогой Борис! Я очень рад, что удалось установить связь с тобой, ведь я послал письмо так, наобум. Поздравляю тебя с твоим успехом, ведь сейчас ты уже ходишь. Возможно, так и получится, что ты научишься ходить, а я демобилизуюсь. И вместе приедем в Братск. Ты только не пугайся, что я тебе предугадываю такие сроки лечения, возможно, мне придется гораздо раньше срока по-

ОНИ БУДУТ В РИМЕ

Куба, Фидель Кастро

26 июля 1953 года Куба впервые услышала имя Фиделя Кастро. Встав во главе отряда из восьмидесяти человек, он штурмовал казарму Сантьяго... Это был его первый шаг как вождя революции. Семь лет спустя Кастро пригласил кубинцев на праздничные годовщины этого события. Оно происходило за тысячу километров от кубинской столицы, в горах Сьерра-Маэстра, там, где некогда скрывались его партизаны. Приглашен был весь кубинский народ, а с ним и пятьдесят иностранных журналистов.

Вот почему, едва успев сойти с самолета, я оказалась участницей совершенно необыкновенного, ошеломляющего путешествия... Все началось с прогулки по городу. Двадцать черных кадиллаков, сверкающих лаком на ярком солнце, ринулись к вокзалу Гаваны. В машинах восседали пятьдесят журналистов — итальянцы, немцы, англичане, американцы... На вокзале нас поджидал специальный состав. Поезд ширьло из стороны в сторону, как старый корабль во время бури. Цепляясь друг за друга, журналисты расселись по местам, кое-как устроились на ночь, а по коридору непрерывно всю ночь совоали кубинцы, лица которых светились восторгом...

Поезд шел со скоростью 40 километров в час, останавливаясь время от времени на маленьких станциях, которые тотчас же оглашались звуками революционного гимна. Все население деревень с аккордеономистами во главе высылало на станции, чтобы встретить поезд, радостно приветствуя нас, пожать нам руки. Всюду можно бы-

Франсуаза САГАН,
французская писательница

ло увидеть такие же доверчивые, восторженные лица, как в Гаване; всюду, по всей Кубе раздавался единый крик: «Куба — да; янки — нет!». Все это продолжалось еще и в пять часов утра.

Поезд пересек зеленую сельскую местность, направляясь к Пальме, где Эстрада, расположенной в двадцати шести километрах от Сьерры; скорость не превышала десяти километров в час. На дорожке уже появились дикие животные: упряжки, битком набитые людьми. Вот и конечный пункт — Пальма. Встреча с Кастро должна была состояться в десяти километрах от станции; за десять дней сюда съехало более миллиона кубинцев.

В конце концов, к пяти часам мы все собрались на трибуну, затерянной среди океана соломенных шляп. С трибуны бродячих партизан, гаванские ворчуны пер брасывались шуточные с людьми, стоящими в первых рядах; толпа, разумеется, не престанно скандировала: «Куба — да; янки — нет!». Внезапно по рядам пронесся гул: прибыл Фидель Кастро!

Вот он — высокий, крепкий, улыбающийся, усталый. Воспользовавшись биноклем, любовно протынутым мне одним из фоторепондентов, я с минуту рассматривала лицо вождя. Он казался очень добрым, очень усталым. Толпа выкрикивала его имя: «Фидель!». Он окинул Фиделя взглядом, в котором слились воедино тревога и нежность.

Мимо трибуны, на которой стоял Кастро, дефилировали стихийно сформировавшиеся колонны людей, вереницы ребят, полки трактористов, шли сотни крестьян, размахивающих над головами грамотами, удостоверяющими их право собственности на землю, подаренную им Кастро. Появились болельщики: они спели песню и преподнесли ему индийскую шляпу с помпидом. Кастро надел ее, и толпа разразилась смехом; потом он нахлобучил эту шляпу на одно из своих тридцатилетних министров, расхохотался и министр. Наконец Кастро заговорил, и толпа затала дышать.

Он говорит просто, открыто, и эти люди, с которыми никто и никогда не давал себе труда разговаривать, восторженно слушают его. Фидель сказал: «Мы хотим быть счастливыми, наш народ имеет право на счастье и добьется его любой ценой». В эту минуту пальцы солнца, лучи которого совсем уже расправили нас, внезапно скрылись; упали три дождевые капли, и толпа закричала: «Фидель, надень плащ!». (Мясля назад он перенес восстание легким.) Фидель отказывается, но толпа в порыве материнской тревоги начинает топтать ногами, и он, ворча, надевает плащ.

Потом его прерывает вертолет. Он прогоняет его движением руки, раздражается, а толпа кричит, смеется: «Не сердись!». В конце концов — наивнее три минуты раздается крик: «Фидель! Фидель!». По этому в заключение своей речи он восклицает: «Фидель — это лишь краткий миг в истории Кубы, вы спрашиваете за свободу, а не за имя». Но толпа возражает: это его, именно его она любит; внезапно лицо Фиделя становится очень усталым. Он заканчивает свою речь...

Фидель Кастро рядом с ботом Хосе Марти — национального героя Кубы и замечательного поэта — на вершине Пино Туркино — самой высокой горы на острове Куба. Фото из кубинского журнала «НИРА».

Советский характер

ПОЛЗАЮЩИЙ АГИТАТОР

О СОСЕДСТВУ с ними в женской палате лежала девушка. Тоже спящая. Двадцатилетняя красивая Галка Громова. Девушка работала штурманом и сорвалась с перерыва со второго этажа. Подвешенная на вытравление, она истерично кричала:

Потом плакала. Есть она отказывалась. И сестры тихо уговаривали ее: — Ну чего ты такая, вот у нас Гайнулин висит, он сам людей успокаивает, а ты... Эх, ты!

Галка шмыгала носом и терла глаза. Ела она все равно плохо и вообще думала все время о смерти. Еще думала, что вот в Иркутске у нее никого нет, и если бы иногда не навещали подруги из общины, то можно и не жить. Кому она нужна? Потом думала о знакомом Гайнулине и все пыталась представить его себе. Однажды спросила сестру:

— А какой он, Гайнулин?
— Насырный — ответила та. — Уменьшать начнет или спорить... А сейчас ползает, все колени ободрал, а ползает. Я же говорю, насырный. Такой встанет.

Борису рассказали о Галке. Он уже совершил маршрут до двери и обратно. Однажды, когда он лежал у двери, отдался, пришла методистка: — Ну что, ползаете?
— Я не паук, чтобы ползать. Я ходить буду.
— Будешь. А вот девчонка понабает. Ты бы наведалься к ней... Она тебе слышала.

И Борис приполз. Он поглядел на Галку снизу вверх, как будто бы сердито, и предсказал: — Подем со мной.

Продолжение. Начало см. «Литературную газету», №№ 91, 92, 93, 94 и 95.

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ

- ★ Праздник свободной Кореи.
- ★ Путешествие по Волге продолжается...
- ★ Перед римской Олимпиадой.
- ★ Произведения молодых.
- ★ «Литературная газета» в мире науки.
- ★ Наш корреспондент сообщает из Конго...
- ★ Субботная почта.

П ОДНЯВШИСЬ в штурманскую рубку и отпартовал по всей форме, что имею честь явиться на вахту, благосклонно пригласил капитаном, я расплакался, чтобы слушать дальше его рассказ, рассказ длиною в жизнь, в его жизнь — в шестнадцать лет матроса на баркасе, в шестидесять капитана на флагмане, — рассказ по Волгу. И вот я слушаю его и гляжу перед собой: ночь, концы и края нет, и река тоже, и звезды, мигающие, как огни встречных судов, и огни судов, мерцающих, как звезды, огни и звездам, перемещающимся так, что их не различить, расставившим серебряные блики вдоль неба, вдоль воды, — волшебная, феерическая зрима, символ которого легкий, как дышание, несет нас к кораблю.

И вот авария — не авария, но случай. Застрели мы как-то между выходом из шлюза и целым флотом встречных плотов, а ветер прижимал нас к бетонированной стенке. Флагман пробовал так и сжак, и ни с места. Тогда к нам прибыл буксирчик: сдаться «прибить» не то слово, — причалась, прилетел, прискакал, с гиком, свистом, лихо развернулся перед нами, — я-де перед тобой, как лист перед травой! Мы увидели трех юнцов и их вожак в том числе, — а в простой рубке, без фуражки, с иппоничной копной волос, разметавшейся по ветру.

Все население флагмана высыпало на палубу. Буксирчик дал полный ход, трое заведен, как струна, и... ничего, флагман как стоял, так и остался стоять на месте. Буксирчик чуть отошел обратно и снова ринулся вперед, захлебываясь по горло в небе, — на-прасно. Слова движутся, весь свирившийся в облаках пар, выходящий из его легких. Та же картина. Публичная возмущенность, ирония, поучительная, но безответственная мата. За-ведующий, о котором мы писали в первом очерке, поднялся на самую верхнюю точку, доступную пассажиру (не так, конечно, чтоб упасть), и смотрел с видом Наполеона, обзирающего битву под Ватерлоо; Вера Петровна из того же очерка, кто помнит, забралась на нос, на самый «кончик носа» (когда бою нам заметил ей, что пассажирам сюда нельзя, она так взглянула на него, что он чуть не свалился за борт). Девушка, с которой я познакомился в угличской церкви, глядела на буксир своим тихим серым глазом. Эти глаза ее и ринили. И не отговаривался, — сказал, что хотел, — «вот эти серые глаза», и если и не все решило, то многое. И не только ее глаза, но и многих других девушек, глаза эти, сочувственные, ироничные, поучительные на себе парней с копной светлых волос, на Снепкой только не заметил, что он их заметил. Пона тревил трес, пока его закрепляли и так далее, божже, чего только не вытворял этот хлюпец, — не было ни одной позы типа «бравый моряк» из повести Жюль Верна. Стяжсона, Стяжковича и Леонида Соболева, который он и принимал бы.

Наконец он схватился за штурвал, и, поддерживаемый полутным ветром, душившим с наших бортов, довел дело до конца! Почему он добился победы? Я настаиваю: в значительной мере благодаря указанному обстоятельству. Я не собираюсь в этом очерке, туристическом очерке делать доклад на тему «Любовная проблематика и социалистический реализм в свете решений последнего пленума драматургов», я оформилую вкратце обобщение: «Может ли женщина убить поощрять на подвиг, а мужчина — боевой или трудовой?». Естественно, я не сбрасываю других факторов общественной жизни, например, я может быть, даже ставлю их во главу угла! Ну, а как же быть с этим? Наши прозякал, драматурги и даже поэты (скандаль!) хралат на этот счет выходящее молчание. Неужто, в самом деле, товарищи, мы оставим этот фактор в полную собственную рыночную-романтику и не экспроприруем его? Что вы, что вы, — скажет мне кто-нибудь, — ведь эти наши средневековые чудачи готовы были рисковать жизнью — из-за чего? — из-за благожелательного улыбки своей возлюбленной (лишь из-за этого?). Подумать только, как низко ценилась тогда жизнь! Нет, сейчас другие времена... Да, сейчас, времена другие, но и сейчас, увны, остается упорный фактор, или, как выразился Маяковский по аналогичному поводу, «превосходнейшая штука»: существует — и ни я зуб ногой». Это — жизнь, сама действительность (которую мы с вами обязаны отразить), я видел ее собственными глазами — вот она! Так как же, товарищи, может быть, отразим, дерзнем, а?

Вернемся, однако, к нашему парнишке, который (за время, пока я так рискованно рассуждал) вдруг изловчился, поймав какой-то там вужный поворот, градус, ракурс, долю секунды, развинул... наш флагман дрогнул и пошел за ним на длинном поводке, покорно, как собака. Все три яруса флагмана неустоявались — так бывает в Лужниках при особо удачном голе. Герой отвечал на овации — он широко запрокинул назад руки, голову, тело, дескать, как извращения в этих случаях древние римляне: feci quod volui, Isclati melius polentes, что, по-русски обозначает: сделал, что мог, — так мы может — пусть сделается лучше, — так мы расшифровываем (на разность социальных систем и надличные комсомольских кадров) что, хоть сделай, что мог, но, ежели надо, сделай лучше.

...За кормой остается Горький, вряд ли я еще успею о нем рассказать, я и так не укладываюсь (а предостат еще и приличные вопросы), но один случай упомяну. Было это в домике Каширина, где провела детство Горький, в доме деду Каширина, чья красильня до сих пор стоит во дворе, как некогда стояла, а в двере красильни, как заглядывая некогда девятилетний

Пловец Валентин Кузьмин — один из самых молодых олимпийцев. Ему 18 лет. По возрасту он юноша, по спортивным успехам — зрелый муж. В отличие от гимнастов, наши пловцы до сих пор не имеют в своем боевом списке большого числа побед на крупных международных соревнованиях. Кузьмин — наша олимпийская надежда. Он дважды улучшил за последние время всеобщий рекорд на дистанции 200 метров баттерфлемом, и последний показанный им результат — 2 минуты 18,1 секунды — один из лучших в мире.

Алена Пешков, так и сейчас, — нет, мне не мерещится — загадывает похотный мальчуган, только вот имени его не знаю. Мальчик, как тебя зовут? Тоша? Тогда Алеша — сейчас Тоша! Он — из детской эскурисы, послушно дождавшейся своей очереди, но не выдержав и носится, озорник, по всему двору, и вот уже как-то старушка — уж не бабушка ли Акулина Ивановна? — грозит ему пальцем. Нет, это эскурисовод. Чем же она недовольна? Мальчик нарушил музейную эскурисовод? Напротив, по-моему, он дополнил музейную экспозицию, он здесь, как точка над «и!»

Вместе с ребятами вхожу в горницу Кашириных — девушка-эскурисовод вовсе не музейный, а веселым голосом рассказывает детям. «Спать укладывались, — объясняет эскурисовод, — всей семьей на полу, вот на этом — вползали лежали». «Почему?» — спрашивают дети. Эскурисовод разъясняет и пересказывает к дальнейшему. «А вот этим разгами (со словами «Видите!» она поманивает связкой путевки слитком, на мой взгляд, выразительно, — дети, свидетельствуя, ответили достойным молчанием, находя эти памятники меньшей мере необоснованными), эти памятники делал наш папа по субботам покуда дождались правых и виноватых». «Почему?» — «Он был жестокий», — отвечает эскурисовод. «Почему?» — «Потому что он был жестокий. Бойка девушка загнулась, но мудро: вопрос был не легкий. Я не знаю, известно ли эскурисоводу, должно быть, известно, конечно, что Горький всю свою жизнь бился над этим вопросом, «мучился» им, как он сам выразился: почему люди, которых он во множестве наблюдал, жестоки, почему они бывают так удивительно, бесчеловечно, разнообразно и радостно жестоки? Сколько это творчество Горького проходило этот мотия, и революционная позиция писателя касалась и причины, и средства ее искоренения. Девушка-эскурисовод была в растерянности, как ей изложить перед детьми эту глубокую горьковскую философию. Но ведь все дело в том, что дети задали этот вопрос совсем уже в другом смысле, чем задавал его некогда Алеша Пешков, то были разные «почему». Он спрашивал, откуда у Каширина жестокость, они спрашивали, зачем Каширину жестокость. Я далека от лариники и знаю, сколько еще встречается упадок в жизни, но ведь сама эта тенденция потеряла почву, и то, что эта истина высказана была устами детей и как раз там, где маленький Алеша познавал указанную тенденцию на собственной шкуре и где в него впервые возникло его покое «почему», все это запечатлел контраст «старого» и «нового» в неожиданной силе.

Я вспоминаю эту встречу в Сталинграде. Меленко мы обходили Малая Курган, возвращаясь про себя и тому часу, когда весь мир застывал, ждал исхода этой битвы, решающей его судьбу. Я старался вообразить себе, если только подобное поддается воображению, все, что здесь тогда происходило, и среди адского грохота, который я мысленно восстановил, услышал голоса из дома Каширина — в самом деле, разве не во имя добра вела эта самая жестокая из битв?»

Сталинград!.. Еще задолго до него вы внутренне уже готовитесь к встрече с ним. Ночью, когда давно потухли наши огни, доносится с палубы приглушенные голоса — не всем спится в эту ночь. Кто-то рассказывает, — в темноте не видно, что — о двенадцати атаках под Ржевом, другой — об участии в Будапеште, — все участники. «Почему вы об этом вспоминаете?» — спрашивает пассажир. «Потому, что утром Сталинград», — отвечает другой. Эти и другие сямнтымы приближающегося Сталинграда я замечал, когда мы шли вниз. Сейчас мы идем вверх и тоже говорим: «Завтра Сталинград», а сидя наверху с капитаном, я увидел, как он вдруг снял фуражку и, держа ее в обеих руках, погрузился в сосредоточенное молчание. «Всякий раз я снимаю здесь фуражку», — сказал он после пара. «Здесь, у Верхне-Старицкого яра, 7 августа 1942 года погиб от фашистской мины мой незабвенный «Академик» Тимофеев», которым я командовал, погибли лучшие друзья». После, у себя в каюте, склонившись над картой (сколько раз, подумав я, он над ней склонялся), капитан показывал мне расположение минных полей противника: вот здесь и здесь, и еще здесь, все их удалось раскритичить и обойти, — а вот тут его меньше всего ожидали, казалось, что все позади, люди облебенно вздохнули, и капитан даже сошел на землю с мостика, — вдруг раздался взрыв. Ведь сколько раз шли под огнем неприятеля, везя Сталинград, что ему надо было для обороны, — обходилось, а вот 7 августа... Капитан несколько раз повторил; седьмое августа, седьмое

Л ЮБОГО, кто впервые приезжает в Еленовку, небольшой горняцкий поселок при луганской шахте «Нижнеор», поражает обилие цветов. Поселок похож на благоустроенный курортный городок. Цветы здесь встречаются всюду: в детском саду и на почте, в общежитии молодых шахтеров и в школе, в шахтоуправлении и в больнице, в комнате поселкового Совета и даже на подоконниках шахтной бани. В Еленовке живет не больше семнадцати тысяч человек, а только нынешним летом в парках, скверах, на улицах и на территории шахты выросло до полсотни миллионов цветов. Забавная подробность: сода, на шахту, с козаховых пастек Донбасса прилетают пчелы за ватком.

Кто же создал эту земную красоту в Еленовке, где еще несколько лет назад считалось, что возле шахты зацветает только цветок, не прирывается ни одно дерево? К нему ни обратившись, нас направят к учителю-пенсионерке Ольге Петровне Найдич.

«Больше тридцати лет вашилась я с «цветами жизни», как принято называть детей, а теперь, уйдя на пенсию, обратилась к цветам натуральным. — шутит Ольга Петровна. — Правда, собственные выюки есть у меня, но цветам они не помеха. Началось с того, что старая учительница пришла в шахтком и сказала: — Посеку не хватает цветов, нужна своя оранжерея. — Не спорим, — ответил ей. — А где взять ассигнования на строительство, ведь вы летите в конеечку? Материала нужны, специалиста надо подыскать. Но все оказалось преодолимым. Специалист нашлся сразу — десятник Александр Андреевич Демидов, в свое время он интересовался садоводством и пчеловодством. А все остальные сделали сами шахтеры. На улице возле шахты выросли прозрачные стены оранжереи. Она обогревается отходами шахтного пара.

«Мы идем по улице Ленина, утопающей в цветах и зелени молодых поселков. Эта магистраль открывается памятником вождю, у подножия которого из цветов соткано «90 лет», а вдоль улицы раскинулись три широкие ленты бульваров. Мы идем по программе излагаемая информация, и вдруг в эти обычные рамки вырывается необычное — в тоне, во взгляде, в неожиданном сильном жесте, и вот я невольно спрашиваю: «Чем вы занимались раньше, Казимир Иванович?» — «Я? Был командиром полка, участником Сталинградской обороны». Мы стоим в Комсомольском сквере, перед плитой, под которой лежат девяти-зентичники. С обеих сторон свисают над ними подолотница гранитных знамен. Мезерский рассказывает, слов, но беда случилась только что, час назад, — гнев против врага, восторг перед героем! Девушки, ожесточенно соаяжая до последнего дыхания, все до одной сошли в эту могилу. Неужто, думаю мы, глядя на эти плиты, неужто эти молодые жаркие, совсем еще не расхолажденные жизни угасли, — нет, это невозможно, из глубины, кажется, доносятся еще страстные голоса и дыхание, и вот будто чуть шевелятся каменные складки знамен... Позади универмага, отремонтногованного по последней моде, мы увидели другой дом: особняк, с тех пор не реконструированный, весь в сияющих красных деталях, такой, какой он вышел из самого пекла Сталинградской битвы. Об дом, вежливое соседство, их контраст, невольно останавливают прохожих. Возможно, я неверно понял жильцов, сказавших, что особняк подлежит сносу, также, возможно, я ошибался, когда мне сказали, что будет убрано здание Музкомедии. Я долго глядел на эти руины, забыть их нельзя; дом глядит на мир своими слепыми окнами и, кажется, продолжает глубоко таить в себе (и чем дальше, тем, кажется, больше бежит) память о том, что кругом себя видел. И это здание снесут? Жаль! На площади Обороны стоит легендарный дом Павлова. Не верилось рассказкам, что его восстановили. Увы, мы в этом убедились. Что сказать на этот счет? Конечно, благодарный почин жителей, возродивших своими силами этот дом, прекрасен, но ведь вопрос шире. В Музее обороны Царицына — Сталинграда висит под стеклом шинель героя — генерала Глазкова (его могила находится там же, в Комсомольском сквере). Шинель вся в рваных следах от пуль и осколков, часами можно смотреть на нее. Сколько дум она рождает! Теперь представим себе, товарищи, пусть и благоговейно перед ней, — они зашли бы все ее проехи и дыры, зашпатель бы художественной шпатель, взяли кривые плоскогубцы, отгладили бы, даже запоро бы силу бы и слова повесили на преднее место. Были ли бы вы так же влюблены? Вот так и с домом Павлова.

Правда, чуть подалее этого дома стоят руины мельницы, объявленной заповедником, они так и остаются на вечные времена. Но это здание осталось где-то позади и не выходит на прекрасную новую площадь (а называется она — площадь Обороны). Может быть, что опасается, что эти, пусть заслуженные, ветераны своим культами и костюмами нарушат парадное настроение площади, ее красоту? Напротив, услышай! Почет им и низкий поклон! Я не ратую за количество, а дело даже не в мемориальных знаках (и чем, по-видимому, все сводится). Нет, этот контраст руин и счастливого-новорожденного здания входит в эстетический Сталинград, на который он имеет прав больше, чем какой-либо другой город в мире. Жаль, что зодчим, построившим столь прекрасные ансамбли, не хватало архитектурного фантазизма, когда им почему-либо изменила историческая чуждость.

Мы мчимся на автобусе вдоль «Красного Октября», вдоль Сталинградского тракторного (последние их почему-то не предусмотрено, странной), надо взглядываться, в эти цехи, за каждый из них шел бой. «Да и сейчас там кипит бой», — рассказывает нам, стою посреди автобуса и тремим голозом перекурывая шум мотора. Казимир Иванович. Автобус набрал скорость, в окнах мелькают заводские купулы, трубы, огни, людские потоки, мчащийся транспорт. И наконец — ГЭС. Она высится, как крепостной бастион, дорисовывая своими линиями героический профиль великого города.

Мне хотелось зановить эту корреспонденцию стихами, я испытывал в этом необоримую потребность, но такой строфы, которая одним словом, одной строкой сразу бы выразила все ощущение от Сталинграда, я не нашел, хотя усердно искал. Я просмотрел много строк, хороших и разных, но той, которая мне нужна была, подобной пушкинской (и не говоря уж о силе выражения, но хотя бы о силе содержания) «Красуясь, град Петров, и стой неколебно, как Россия», — такой строчки я не нашел. Придется обойтись без концовки. Прости меня, дорогой читатель, но я не виноват... АСТРАХАНЬ—МОСКВА

ШАХТА В ЦВЕТАХ

Как только сходит снег, на бульваре зацветают пестрые маргаритки, алыми глазами, красные тюльпаны, поздние здесь благоухают розами. Возле терриконов — молодая роща белых акаций. Но самая чудесная картина открывается взору на шахтном дворе. Кому приходилось бывать на шахтах, тот знает, как выглядит обычно такой двор: всюду нависающие громады пород, в беспорядке высятся части рваных, отслуживших свой век машин, кучи щебня и мусора, угловатая пыль... А в Еленовке шахтный двор, можно сказать, затоплен цветами.

На многих участках посажены рабытны скверы, построены беседки. По проекту советского архитектора Б. Д. Горюжинкина сооружен трехъярусный фонтан. И еще одна новая примета: шахтеры сажают на участках вдоль тротуаров вишни. Я спросил у Петра Гончарова,

Любители-садоводы О. П. Найдич и А. А. Демидов в оранжереях. Фото А. Романова

ПРИЗВАНИЕ: ФИЛОСОФ

НА КАФЕДРУ поднялся художественный светловослый человек и, медленно обведя глазами аудиторию, приступил к чтению лекции. В аудитории сидели будущие физики и математики. Философия казалась им предметом весьма далеким от избранной специальности, и лектор сразу почувствовал атмосферу, ну что ли, вежливой неприязни. Но это длилось недолго. От лекции к лекции невольно внимание слушателей было покорено, когда лектор, говоря о теории относительности, привел примеры из физики и математики. И с такой основательностью, что не было сомнения: эти науки ему знакомы.

«Да, пришлось мне покорпеть! — признается теперь Виктор Григорьевич Афанасьев. — Читая философию затравленным преподавателем физики и математики, а самому не разбирающимся в этих науках, — мне это казалось невозможным. Сел за учебники, из лектора превратился в слушателя и постепенно освоил тот минимум, который мне очень помог. Мы встретились с кандидатом философских наук доктором Афанасьевым в тот день, когда мы поздравляли его с большим успехом. Закончился конкурс на создание популярного учебника по основам марксистской философии, рассчитанного на широкие слои коммунистов и беспартийных. Жюри конкурса первую и вторую премии не присудило никому. Третья премия удостоена работа Виктора Григорьевича. Написанный им учебник рекомендовано выпустить в свет. Сегодняшний философ в недавнем прошлом был лектором.

В летних каникулах, — улыбается он, — не очень то пофилософствовал. Но я как-то внутренне готовился к этой специальности. Хочу прямо сказать, что философия — мое призвание. «Без отрыва от неба» Виктор Григорьевич закончил Читинский педагогический институт. Затем аспирантура. Затем молодой кандидат наук уехал в Че-

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С АВТОРОМ!

Константин Берегов, 1960 г.

Я читал и думал: ведь я умею слышать всю поэму и, в частности, эти отрывки вскоре после окончания войны из уст самого автора Кости Берегова. Текст поэмы, парализованный по моей просьбе, находится у меня. Но странно: Берегов вовсе не инженер-черноморец, а рабочий-электрик из Ярославля. И вот теперь, когда мне удалось встретиться с Константином Береговым, все разъяснилось. Он работает в Орске, на нефтяноразведывающей и м. завдед. В Орске у него и завдед в редакции городской газеты.

Я показал Константину статью в «Новом мире», которая оказалась ему неизвестной. Берегов был одним из участников «БСВ». Своим поэмой назвал он «Тоска по Родине». Впервые слегать стихи он начал в плену, куда попал раненым и контуженным. Военнополитические офицеры каждый вечер, вернувшись с тяжелой работы, устраивали в барак в колючей проволокой своеобразные «агитконцерты». Извлекали из памяти советские песни, стихи, рассказы, вспоминали прожитые годы. Первые стихи Берегова были встречены здесь одобрительно. И он продолжал

Кто же читал вслух поэму в Моосбургском лагере? Я назвал он «Тоска по Родине». Впервые слегать стихи он начал в плену, куда попал раненым и контуженным. Военнополитические офицеры каждый вечер, вернувшись с тяжелой работы, устраивали в барак в колючей проволокой своеобразные «агитконцерты». Извлекали из памяти советские песни, стихи, рассказы, вспоминали прожитые годы. Первые стихи Берегова были встречены здесь одобрительно. И он продолжал

Л. БОЛЬШАКОВ

Здесь черная свастика, мирок прожарен, Соки и кровь из народов сосет. Здесь голод царит и нужда неперогладная, Здесь стонет под гнетом фашизма народ. За вольные мысли здесь пуля и плаха, Здесь мучит, пылает и казнит людей, И родина Шиллера, родина Баха. Теперь превратилась в обитель смерти,

ТАБЛЕТКА

В XX ВЕКЕ человек проник внутрь атома и в просторы Галактики, раскрыв неисчерпаемую сложность бесконечно малых и бесконечно больших единиц материи. Меньше успехов он добился в познании недр планеты, на которой живет. Все что исследовано в ней более или менее детально, касается пока только тонкого, как наклеенная географическая карта на школьную доску, слоя. Вырвавшись на миллионы километров в космос, человек сумел проникнуть с помощью в Землю всего на 7—8 километров. Это меньше, чем высота горы Эверест или глубина Марианской впадины. Правда, геологический круговорот вещества поднял из недр к поверхности некогда бывшие там массы (изменив при этом их), что позволяет косвенно судить о земных недрах. Но это — первые десятки километров, а радиус Земли — около 6400 км! Мы живем над беднейшей еще ничтожно мало познанный матерью Земли!

Как это ни покажется странным, но даже обилие известных познаний «земная кора» является очень неопределенным. Ранее казалось — все было ясно. Теперь, когда установлено, что Земля — твердое, а не огненно-жидкое тело, мнения о том, что считать земной корой, стали разноречивыми. Одни считают корой стенолитический слой Земли, в пределах которого уравновешиваются ее механические движения. Другие предполагают, что это кристаллический слой, лежащий на аморфной глубинной массе. Есть гипотеза, что земная кора — это сфера Земли, в которой развиваются нормальные химические процессы, тогда как ниже благодаря высокому давлению происходит «вырождение химизма», причем в ядре Земли химические процессы уже полностью отсутствуют, и т. д.

Однако какими бы сведениями ни были наши сведения о Земле в целом, они все же уже достаточны для того, чтобы говорить о существовании весьма сложной внутренней жизни планеты, характеризующейся удивительным по своей организации «управлением». Земля живет! Она «дышит», дрожит напряженной внутренней дрожью. В ней переключаются сложные потоки энергии и вещества. Ее поверхность движется, как образно сказал один геолог, подобно шкуре на крупной бегущей лошади: вверх, вниз, в стороны, туда-сюда, туда-сюда. Земля непрерывно то тут, то там «подвигает» своей «шкуркой». Иногда недра Земли бурно взрывают о себе гудом землетрясения, зажимают на поверхности огни вулканических извержений.

Нельзя человеку узнать о страшной катастрофе, постигшей Чили. Чилийская катастрофа, сопровождавшаяся землетрясениями в Индии, Америке и других странах, заставляет вновь и вновь задумываться о тайнах глубин Земли, о путях овладения ими.

В последнее время получило распространение несколько обидное представление о геологии, как прикладной науке, в основном призванной искать и оценивать различные полезные ископаемые. Некоторые ученые стали даже вообще сомневаться — принадлежит ли геология к числу основных естественных наук и вообще не исчерпала ли она своих возможностей, не пора ли заменить ее другой наукой, скажем, физикой Земли.

Такие мнения, конечно, ошибочны. Геология — это не только наука о Земле, но и наука о некоторых общих законах развития планет. Во Вселенной много планет, а на некоторых, возможно, есть мыслящие существа. Где людям изучать в деталях законы развития планет и появления на них живой материи, как не на Земле? И разве людям нужны от Земли только ее полезные ископаемые? А энергия Земли, а прогноз «геологической погоды», а управление Землей, ее внутренними процессами — эти проблемы по плечу человечеству. И решать их надо, опираясь на геологию как широкую науку, включающую в себя ряд наук и в том числе физику Земли, как один из важнейших ее разделов.

Теперь геологии, как никогда прежде, нужны для исследования вся планета, все детали геологического строения и развития континентов и океанов, все особенности околосреднего пространства. Физиком и химиком доступны атомы и молекулы, биологам — организмы и целое. Геологам еще недоступна вся Земля, пока не достигнуты сопоставимых действий геологов мира. Но зато первые же согласованные действия ученых в период Международного геофизического года, принесшие ценнейшие сведения.

«Геологическая вертикаль» — радиус Земли — является ныне главной тропой открытий. Познать глубины можно средствами геофизики, которая, как рентгеном, просвечивает Землю путем изучения ее физических полей и волн. «Аромат глубин» можно ловить средствами геохимии, изучающей распределение и историю химических элементов Земли. Можно «вывернуть» названку шубу Земли и посмотреть, какая у нее «подкладка», с помощью глубокого и сверхглубокого бурения, которое является одной из наиболее грандиозных проблем техники. Но, чтобы меньше самым многогранным способом познать глубины Земли, в плане их исторического развития, является способ детального комплексного геологического анализа земной коры.

Перед всеми науками о Земле — геологией, географией, океанографией, метеорологией — стоит задача изучить в деталях всю современную жизнь Земли и современное ее состояние, о которых мы имеем еще скудные представления, с тем чтобы, опираясь на эти знания, расшифровать строение и развитие Земли и создать теорию Земли, дающую надежный ключ к овладению протекающими в ней процессами. Особенно важно объединить вокруг проблем глубинной геологии и физики Земли сведения естественных и технических наук. И в первую очередь необходимо, чтобы главный спектр геологических наук — собственно геология, геофизика, геохимия — светились единым, надо устранить сохраняющуюся еще их разобщенность и создать ту новую коллективную силу науки, для которой не будет преград.

Характерно, что в системе Академии наук СССР институты геологии, геофизики, геохимии, палеонтологий, кристаллографии находятся в разных отделениях академии. И только в молодом Сибирском отделении организации объединены не только между собой, но и с институтами математики, физики, химии и т. д.

Человечество должно хорошо знать Землю, на которой живет.

Геология, как наука, подходит к новому рубежу своей истории. На путях решения главных биологических, геологических и космогонических проблем, связанных друг с другом в единый сложный комплекс, центром которого является Земля — мать человечества, лежат величайшие грядущие открытия естествознания, которые еще более возымеет человек.

Мы привыкли смотреть на поверхность земной коры, как на поверхность скатерти-самобранки, на которой разложены ее бесчисленные богатства. Подходи — и бери. Однако на Земле все меньше остается мест, где, если повезет, любой может открыть месторождение «под ногой». Уже сегодня одной из главнейших практических задач геологии является открытие полезных ископаемых, скрытых на глубине. Они расположены в известной нам толще земной коры, как изюм в хлебе. Одни «изюминки» выступают на поверхности, а другие скрываются внутри. Тех, которые лежат внутри, больше, отыскать их труднее. Земную кору в разрезе, как хлеб, столовым ножом, а каждый индивидуальный прокол Земли скважиной — ступенькой, «двигая» ступенькой ступенькой. Поэтому все чаще приходится геологам и геофизикам открывать месторожде-

подстиается на глубинах 60—100 км «изюма» «очаговой зоной», обладающей свойствами накоплять и периодически отдавать геологическую энергию сразу на больших пространствах. Сочетание «активных» слоев (в их пределах концентрируются очаги современных землетрясений и вулканов) и другие особенности позволили некоторым геологам высказывать мнение о существовании на глубине своеобразного «конденсатора» геологической энергии.

Может быть, с «обкладкой» этого конденсатора можно будет со временем «снимать» консервированную тепловую или даже электрическую энергию.

Все это будет только началом, «второй ступенью» освоения и познания человеком глубин Земли. За ней начнется третья ступень — освоение человеком Земли в целом.

Познать законы переходов одних видов геологических движений и энергии в другие — познать законы, управляющие функцией больших планетных масс, люди научат вмешиваться во внутреннюю геологическую жизнь Земли. Они, возможно, откроют в ней такие новые виды энергии, которые образуются только в результате групповых взаимодействий элементарных частиц в крупных массах космических тел. Кто знает, быть может, термин «ядерная энергия» появится еще раз с новым содержанием, как обозначение особой космической энергии ядра Земли.

Вероятно, будущая физика в содружестве с геологией сумеет найти такие «мостики» к внутренней энергии. Воздействия энергетическими «толчками» на очаговые зоны земного вещества, находящегося в критических состояниях, она заставит многообразно геологическую энергию умножать самое себя и переключаться с одних форм геологического движения на другие.

Так человечество начнет жить на управляемой Земле.

Коллективы ученых создадут великую теорию Земли и заставят по-новому звучать оркестр ее геологической энергии, у которого появится новый «дирижер» — человек. Они подготовят внутриземные «навигационные карты», опираясь на которые человечество начнет одно из самых грандиозных своих предприятий — штурм ядра Земли. Вероятно, долгие годы, возможно, столетия отдадут нас от дней этого штурма. Но человечество уже начало готовиться к нему сегодня. Об этом говорят возбуждающие воображение проекты глубоких скважин, в закладке которых ныне готовятся в СССР и США. Это будут первые геологические «спутники», запущенные в глубь Земли.

Прекрасны атом и космос — объекты самой эффективной деятельности современной науки на путях в будущее. Но Земля, породившая человека, не менее прекрасна для исследователя всего великого комплекса наук.

Геннадий ПОСПЕЛОВ, старший научный сотрудник Сибирского отделения Академии наук СССР.

Знаем ли мы Землю?

в глубины, иногда с грохотом возвращается оттуда столбами пара, вырывающегося из кратеров вулканов.

В свете многочисленных современных данных земная кора все более начинает восприниматься как особый «кипящий слой» Земли, покоящийся на более однородных и «спокойных» массах подкорового субстрата. В этом слое происходит наиболее энергичное перемещение и перемешивание вещества. И здесь разгравиваются последние такты энергетических симфоний, которые уже несколько миллиардов лет исполняют нашей беспоконной планетой.

Целый оркестр энергетических «инструментов» звучит в Земле, поражая мощью своих звуков. Некоторые из них мы уже различаем. Это вращение Земли, приливные эффекты, тепло радиоактивного распада и т. д. Но мы еще не знаем всех оркестрантов, и, может быть, даже главных из них, о существовании которых можно только догадываться, глядясь в удивительные картины организации тектонической и вулканической жизни Земли.

Проблема энергии Земли и ее эволюции начинает вырывать в одну из сложнейших теоретических проблем геологии, побуждая ее подниматься до уровня современных физических и химических методов и идей. Для геологов становится все более ясным, что на зареволе старой физики ракету физико-математических наук не догоним. Пора делать передышку в пути, ибо другой дороги для теоретической геологии дальше нет.

Вещество Земли — это только часть ее богатств. Нужны людям, и, пожалуй, центральной практической проблемой «освоения» больших глубин в ближайшем десятилетии станет геологическая энергия.

Уже сегодня используется тепло глубин Земли. Во многих районах мира — в Италии, Исландии, Японии — работают электростанции и теплоцентрали на тепле вулканического пара и воды. У нас на Камчатке тоже ведутся подготовительные работы к созданию мощных геотермических электростанций, которые снабдят дешевой энергией Южную дальневосточный район. Но это только первый этап в мобилизации энергии Земли. Вторым будет открытие и использование месторождений перегретых паров и воды, струящихся по разломам на многокилометровых глубинах, особенно в областях очаговой активности вулканизма. Впрочем, вероятно, они есть во всех районах. Уже на глубине 3,5 тысяч метров температура Земли достигает 100°. Мы живем над бескрайним тепловым океаном. Но и сама разность температур земной коры на разных ее глубинах может послужить со временем источником энергии, мобилизуемой с помощью полупроводниковых установок.

В земной коре на сравнительно небольших глубинах есть немало перенасыщенных участков, в которых вдоль зон разломов происходят современные геологические движения. «Скрежет» их порой проявляется в виде землетрясений. Энергия сильных землетрясений, выделяемая за секунды катастрофы, сравнима с энергией однодневного взрыва сотни мощных водородных бомб. Быть может, геологам скоро придется разведывать и оценивать «месторождения» механической энергии в перенасыщенных и активно подвижных участках земной коры. Пользуясь заданными в глубинах Земли пьезоэлектрическими датчиками, энергетик будущего будет переводить «пожирания» и мелкую дрожь Земли в потоки электрической энергии!

Есть предположения о существовании в Земле особых «регуляторов» ее геологической жизни. Возможно, в частности, что «кипящий слой» Земли

небольшая часть ее богатств. Нужны людям, и, пожалуй, центральной практической проблемой «освоения» больших глубин в ближайшем десятилетии станет геологическая энергия.

Уже сегодня используется тепло глубин Земли. Во многих районах мира — в Италии, Исландии, Японии — работают электростанции и теплоцентрали на тепле вулканического пара и воды. У нас на Камчатке тоже ведутся подготовительные работы к созданию мощных геотермических электростанций, которые снабдят дешевой энергией Южную дальневосточный район. Но это только первый этап в мобилизации энергии Земли. Вторым будет открытие и использование месторождений перегретых паров и воды, струящихся по разломам на многокилометровых глубинах, особенно в областях очаговой активности вулканизма. Впрочем, вероятно, они есть во всех районах. Уже на глубине 3,5 тысяч метров температура Земли достигает 100°. Мы живем над бескрайним тепловым океаном. Но и сама разность температур земной коры на разных ее глубинах может послужить со временем источником энергии, мобилизуемой с помощью полупроводниковых установок.

ТЕПЛО ПЛАНЕТЫ

В НАУКЕ существует несколько гипотез о происхождении земного тепла. Согласно первой из них — гипотезе Лавласа — Земля образовалась из расплавленного вещества, и земное тепло является остаточным.

Более современные гипотезы рассматривают различные источники, которые могли бы участвовать в образовании тепла Земли. Особенно много сторонников у теории тепла, возникающего в результате радиоактивного распада.

Недавно научным сотрудником Казахского Государственного университета имени С. М. Кирова, кандидатом геолого-минералогических наук П. Зотов предложена новая гипотеза происхождения внутреннего тепла Земли. Известно, что приливные волны существуют не только в океанах и морях. Силы всемирного тяготения вызывают в них деформации: приливы и отливы твердого вещества.

Жители Москвы, например, не замечают того, как они дважды в сутки перемещаются вверх и вниз относительно центра Земли на 50—60 сантиметров.

Если учесть, что в начале существования нашей планеты сутки приблизительно равнялись 3—5 часам, а затем, в результате приливного торможения, увеличились до 24 часов, то не трудно подсчитать, что за 5 миллиардов лет жизни Земля сделала около 10 миллиардов оборотов вокруг оси. Предполагается также, что расстояние между Землей и Луной было когда-то 20 тысяч километров. Приливные волны достигали десятков и сотен метров и двигались с огромной скоростью. Возникающее при этом трение давало огромное количество тепла. На отрицательное существование радиоактивного тепла, П. Зотов утверждает, что энергия вращения Земли может быть мощным источником ее внутреннего тепла.

Р. ФЕДОРОВ

ТАУТ МАШИНА

Тут, вверху! Тут ударит она не туда — и заваля: искру случайно даст — и взрыв газа. Нет, — это засмеялся он, — ты нам сюда такую машину давай, чтоб у нее и осторожность была, и понятие, и уши, чтоб слышать, как криль-то скрипит, и нос...

Эти строки из романа Бориса Горбатова пришли на память, когда мне довелось недавно познакомиться с работой нового прибора, способного улавливать мельчайшие звуковые колебания в горных породах.

В Институте горного дела Академии наук СССР меня встретил кандидат физико-математических наук М. С. Андиферов, который уже много лет руководит лабораторией геофизических исследований. Я прошу его ответить на ряд вопросов.

— Есть такие шахты, — рассказывает Михаил Сергеевич, — где интенсивная выемка угля может привести к опасным последствиям. Случается, что скопившийся газ, пробив наиболее тонкий слой пласта в забое, с огромной силой вырывается в свободное пространство, увлекает за собой десятки, сотни, а иногда и тысячи тонн угольной пыли, в той «бешеной мушкет», как называют ее французские горняки.

Старые шахтеры иногда «предсказывают» наступление опасности по одним лишь интуитивным сигналам и звукам. Но подобные прогнозы, естественно, далеко не всегда точны.

Ученый достает небольшой сигарообразный предмет с хромовой поверхностью, напоминающий электробритву.

— Мы сконструировали специальный прибор — «геофон», который предупреждает о надвигающейся катастрофе приблизительно за сутки до выброса, и по индикатору старшего советского горняка — академика А. А. Сковичского применяли его на шахтах. Геофон устанавливается в скважине в глубине угольного массива. Образование каждой новой трещины сопровождается излучением сейсмоакустического импульса. Геофон, представляющий собой как бы «электрический ухо», улавливает и регистрирует эти импульсы. Когда число импульсов достигает известной величины, свидетельствуя о том, что положение становится угрожающим, в шахте предпринимаются профилактические меры. Если этого оказывается недостаточно, работа в лаге прекращается до тех пор, пока не наступит успокоение пласта.

Нам удалось записать на пленку один из таких выбросов.

Михаил Сергеевич включает магнитофон. Некоторое время слышен один лишь стук отбойных молотков. Потом шуршание и щелчки, словно кто-то постукивает по телефонной мембране.

— Это и есть первые признаки приближающегося выброса, — комментирует магнитофонную запись Михаил Сергеевич.

ГЕОФОН

«...Из микрофона доносится уже тревожный треск. И вдруг гудящий, беспорядочный грохот заполняет комнату. Выброс.

— Как же удалось вам осуществить запись?

— Об этом лучше всего рассказать наш сотрудник Леонид Борисович Перевезер, производивший эксперимент.

— На протяжении полугода группа научных сотрудников лаборатории, смеяная друг друга, вела круглоосуточное дежурство, чтобы зафиксировать на пленку момент внезапного выброса.

В момент выброса я находился в шахте. Сначала мы ощутили сильный толчок, как от взрывной волны. Яркая угольная пыль летела во все стороны, газ выхлывал на свободу, опорожняя на пути струю встречного воздуха. Спасение было в том, чтобы успеть добежать до верхней шахты. Мы бежали под все слышимое, — удивляясь, говорит Леонид Борисович, — был бы, несомненно, зарегистрирован новый мировой рекорд. Потом уже я смог коачию увидеть картину разрушения. Огромная лавда была отброшена на 50 метров в сторону...

...Мы продолжаем нашу беседу с М. С. Андиферовым.

— Если я вас правильно понял, при помощи геофона можно не только избежать человеческих жертв, но и предотвратить самые выбросы?

— Прекращение работ на несколько дней в большинстве случаев оказывается достаточным для предотвращения выброса. После успокоения пласта работы могут быть возобновлены при помощи геофона. Могу лишь сказать вам, что проведенные нами наблюдения в районе Памира дали очень интересный материал.

А. ИВАНОВ

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ...

ОТНОШЕНИЕ историков к сказкам, мифам, преданиям менялось.

Сначала была почти полная вера в легенды, будь то сотворение мира или гибель Атлантиды, Троянская война или призывание варягов...

Примерно с XVIII и особенно в XIX веке наступило время рационалистов и скептиков: «Сказка — ложь...». Такой этап был закономерен. Наука освобождалась от религиозных оков и предрассудков и меняла свои взгляды. В библии, летописных легендах, «Илиаде», «Одиссее» все больше стали видеть лишь прахрарский вымысел и все меньше — исторический источник.

Правда, люди, верившие в буквальный смысл преданий, не переставали, а один из них, Генрих Шлиман, следуя за текстом Гомера, даже отыскал Трою, но все же впервые было ясно у скептиков (к тому же позднее выяснилось, что Шлиман открыл «не ту Трою»).

В наши дни ученые снова очень интересуются старинными преданиями и сказками.

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВОСТОКОВЕДОВ В МОСКВЕ

Ленинские горы. На площади перед зданием Университета и фасадом больше шестидесяти тысяч человек собрались на XV Международный конгресс востоковедов.

В эти дни происходит встреча ученых, изучающих Восток. Они прибыли из всех уголков мира. Мудт заседания сенций, Доклады. Споры. Приехали представители советского народного искусства — актеры.

Эти зарисовки выполнены мной в здании Московского университета, в аудитории, где работает сенция, в мулуарах конгресса.

Московский конгресс востоковедов — крупнейшее событие мировой научной жизни. Яркий пример международного сотрудничества ученых.

Репортаж художника М. БРЕНАЙЗЕНА

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КОРЕЯ!

В течение полтора месяца в Норвежской Нарвике Демократической Республики находились в качестве гостя Союза писателей стилистической прозы Маргарита Агашина. В ближайшее время выйдет ее книга, посвященная новой Корее. Ниже публикуется два отрывка из этой книги.

БЛИЗКАЯ ДАЛЕКАЯ ЗЕМЛЯ

Маргарита АГАШИНА

ОНИ делят не час, не день и не сутки. Они не молятся, не лгут и даже не хлещут. Нет, летние дожди в Корее — это совсем не то, что у нас!

Они падают на землю сплошной тяжелой стеной. Высота этой стены — от земли

до неба. Основание ее — в один миг становится широким, во всю улицу, стремительным потоком. Эта стена прозрачна, как самое чистое стекло.

Вот уже пятый день в Пхеньяне идет дождь. Пятый день стеклянная стена дождя заслоняла небо и солнце и не пускает меня из Кореи: погода не летит!

Но сегодня к рассвету дождь утих. И рано утром позвонили из аэропорта: — Приезжайте...

Густо стелется по земле туман — не видно стволов деревьев. Мохнатые шапки плавающих в воздухе туманов. Подножия сопки тоже обняты туманом, и кажется, что изнеженные, цепкие сосны на их вершинах растут не на земле, а в небе. И в аэропорту сказали, что отлетать задерживается из-за тумана. Я рада — есть время познакомиться с друзьями. Есть время выполнить просьбу Мен Хи: она принесла мне на аэродром красивые гладулицы и попросила научить ее какой-нибудь русской песне, самой моей любимой.

И вот мы сидим с ней на самом краю заросшего травой, мокрого аэродрома и поем потихоньку:

Ничто в полужиле

Не колыхнется...

Как слыше анты в рисовом поле,

стоят в густой аэродромной траве

серебристые самолеты. Белый туман

поднимается и на глазах тает. Мне страшно

смотреть — как быстро он тает! Сосны

он доберется до вершинки ближайшей

сопки и исчезнет совсем. И тогда одна

из этих огромных серебряных птиц

унесет меня домой.

Хоть бы ветер, что ли, развинулся

откуда-нибудь! Нагнал бы туч, упал бы

новым дождем — пожить бы мне еще

денек в Корее, с которой я так не хочу

рассставаться!

Ничто в полужиле

Не колыхнется...

Только грустный напев

Где-то слышится...

И мне, и Мен Хи становится еще

грустней от этой хорошей песни. И, на-

верно, для того, чтоб уж не было так

грустно, Мен Хи ухватился за воротник

моей одежды и тихо прошептал: —

Можете уезжать куда угодно!

Только оставьте здесь свое сердце.

Потом меня позвали в комнату для

интуристов, где я — по всем между-

народным правилам — должна была

подписать декларацию о том, что я,

Агашина Маргарита Константиновна,

гражданка Союза Советских Социали-

стических Республик, не увожу с собой

из государства, территорию которого

покидаю: а) секретных документов,

б) оружия, в) золота, г) валюты, д)

предметов исторической и националь-

ной ценности и еще, и еще чего-то.

Я взяла в руки маленькую серо-го-

лубую бумажку, которая, как была бум-

ага в Корее, тихо пахла безводной

саидоловой горечью. И торжественно

расписалась. Нет, я не увезла из Кореи

секретных документов и оружия! Нет

в моем чемодане ни золота, ни валю-

ты, ни музейных ценностей. Но, вопреки

всем законам международных отноше-

ний, я увозила из Кореи великую цен-

ность, которую не положишь в че-

лодник и которую не отнимет у меня ни

одна самая хитрая таможенная на всем

белом свете! Этой ценности нет цены

и нет границ. И она зовется любовью.

Великую любовь народа Кореи к моей

Родине увозила я из Пхеньяна.

Потом я переписала для Мен Хи

свою любимую песню. И перепрошала

свои песни, что меня провожал. И по

мокрой траве прошла к самолету. И,

отряхнувшись с верхней ступеньки само-

летного трапа, постаралась запомнить

все, что видела в я тот миг: темно-зеле-

ные мои следы на сырой росной траве,

белый туман, стремительно летящий

высь; низкое здание аэропорта; лица

друзей, их прошальные поднятые руки и мокрые нивы у дороги.

С тех пор прошло три года. Сейчас у нас в Сталинграде — поздний вечер. Шлывет над Волгой светлая подковка месяца. Мигают огни теплоходов и зеленые глаза бакенов. В этот час над Кореей поднимается золотое солнце, которое придет в наш город только завтра утром.

Очень далеко от Кореи до Сталинграда, и три года — это тоже далеко. Но есть вещи, которые не боится ни времени, ни расстояний. И мне хочется рассказать о том, что запомнилось навсегда. О том, почему стала мне такой близкой эта далекая земля. О ее сказочно прекрасной природе. О ее удивительных красивых людях. О маленькой, гордой стране, в которой я оставила свое сердце.

КОРЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР

Было он простым шофером в Вонсане и возил нас на своем стареньком «газике» смотреть красоту Кореи — Алмазные горы. Видно, возил он туда не только нас, потому что — не успели мы отъехать от города — он начал поразительно рассказывать о местах, куда мы ехали. Он говорил:

— Эти горы известны всему миру. Весной они покрываются зеленым шелковым покровом. Азалии, цветы сливы, сирени наполняют воздух ароматом. И тогда горы называют Кымган — алмаз. Летом здесь серебрятся струи водопадов. А среди ветвей сосен и кедров носится много певчих птиц, наполняя томоном лесную чащу. И тогда горы называют Бонря — живительный фимиан. Осенью клены, дубы, камелии расцветают горы богатым нарядом. Тогда их называют Пхунан — кленовые горы. А зимой на фоне снега вырисовываются голые, белые от инея ветки деревьев; поэтому горы называют Кягор — скелетом...

— Ким! Вы поэт, вы так красиво говорите... — начала я.

— Это не я говорю, это пхеньянский «Интурист» говорит! — ответил Ким и вынул из-под сиденья тоненькую книжечку-путеводитель, в котором я прочтала все, что он говорил.

Все мы смеялись, и громче всех он: — Когда я сказала Киму, что хочу написать о нем, он ответил:

— Пожалуйста. Только я плохо говорил, поэтому прошу, не называйте мое имя.

Я обещала. И долго ломала голову: как же мне назвать его в своей книге? А потом подумала и оставила так, как есть: ведь в Корее столько Кимов, сколько Агашинных в моей ярославской деревне! Пошли догадаться, о каком из них идет речь...

Мы приехали в Кымгансан пол вечера. На черном камне шел с моря белый туман и нес белые сумерки. Было светло, и я села на крыльце гостиничного домика — записать, что вижу.

Подождал Ким.

— Вы пишете про Корею?

— Да, про Корею.

— А как вы про нее пишете?

Я подумала.

— Да вот — как все вижу, так и пишу.

Ким тоже подумал. И сказал: — Дом можно видеть снаружи и внутри. В лес — тоже можно в самую чащу забраться. А про человека как писать, если ты его только видишь? Как узнать, какой это человек, какой у него характер.

Я рассказала Киму, что пишу о девушке, пхеньянской ткачихе, которую видела. У нее черная коса, смуглая, очень румяное лицо и худенькие, в два раза тоньше косы, руки. Они просвечивают сквозь ткань белой кофточки. Эти худенькие руки в дни войны построили подземный завод. Они переставили в его глубине цепи все станки своей фабрики. И работали эти руки так, что народ назвал ее — ткачиху Ким Бон Нэ, девушку с тонкими руками. — Героиня Труда Корейской Народно-Демократической Республики.

— Я знаю это имя. И все это правда, — сказал Ким. — Но если она сама про себя так рассказывает, — у нее не корейский характер!

— Нет, Ким, у нее корейский характер. Она сказала мне только, что ей было очень нелегко стать Героиней Труда, но рассказывать о том, как она стала Героиней, ей гораздо труднее. Все остальное мне рассказали ее друзья...

Но Ким думает еще о чем-то и отвечает не сразу.

— Это все правда, все, что пишут о нас наши писатели. Они всегда пишут, как мы работаем и как мы работаем. И говорят: «Это корейский характер!» Но когда я был на фронте, я знал, и все у нас знали, как воевали наши солдаты под Сталинградом. И работать мы тоже учились у вас... Значит — это не только корейский характер!

— А какой же он, Ким, этот ваш корейский характер?

— Не знаю. Ведь я не писатель... Но Хотите, каждый вечер я буду говорить вам пять корейских пословиц? Может, тогда вы лучше узнаете наш характер.

— Три дня мы ходили по горам, оставляя «газик» там, куда он только мог забраться. Три дня я смотрела и не могла насмотреться на Алмазные горы, которые были в сто раз прекраснее, чем писал о них путеводитель «Интуриста».

В первый «горный» день я с непривычки очень устала и сразу после ужина пошла в свою комнату. Но у дверей стоял Ким, поднимая пальцем. Я вспомнила: пять пословиц!

Странно хотелось спать, и я знала, что он устал еще больше, и поэтому подняла обе руки — десять пальцев: — Пусть лучше сразу десять пословиц, но завтра!

Он вздохнул и поднял один палец, и это означало: — Если не можете выслушать пять, выслушайте хотя бы одну!

И Мен Хи перевела эту одну пословицу: «Обещание для мужчины дороже жизни».

Ах, Ким, Ким — корейский характер! Конечно, я записала и эту, и еще четыре, и записывала каждый вечер, пока была там, в Алмазных горах. Потом мы уехали в Пхеньян. А через неделю в Союзе писателей мне передали письмо из Вонсана. В нем было ровно тридцать пять пословиц — за все семь дней! И все они были прекрасны, и каждая была чистой каплей настоящего корейского характера.

...Есть у корейцев любимый цвет — голубой. Он распускается в сопках в первые весенние дни. Тогда корейские девушки ходят в лес, поют песни о торади, расцветают вместе с весной, и разыскивают в траве его маленькие, незаметные цветы и глубокие сладкие корни.

...Сотни лет камни Алмазных гор обвешаны соленым ветром моря. Их жгло южное солнце, хлестали тяжелые тропические ливни, зимой покрывали чистые снега, как сердца корейцев, снега. Но вот попало на голую поверхность скалы крылатое осечко. Было оно маленьким и легким — любой ветер мог унести его в открытое море. Но семечко так хотело жить, что дрогнули вековые камни и — раскололись. И выросло на голой скале гордое дерево — корейская сосна, о которой говорят в Корее, что она сильнее камня.

И еще говорят в Корее: человек должен быть прямым, как бамбук, — пусть сломается, но не согнется!

Вот так я думаю и пишу о Корее, о ее народе — скромном, как торади, сильном, как корейская сосна, негибаемом, как стволы бамбука.

Есть в Корее поговорка: «Если десять человек думают одинаково, значит они думают правильно».

Тридцать миллионов корейцев думают одинаково.

Они думают, что Корея — это Корея, одна на всей земле. Есть в ней юг и север и есть запад и восток. И, как во всех других странах, на востоке Кореи по утрам встает солнце, а на западе гаснет вечерняя заря. И птицы Кореи, улетая осенью на юг, весной возвращаются на север. Может, север и юг, восток и запад и существуют только для того, чтобы отделить день от ночи и осень от весны?

Занимаются подрывной деятельностью не только некоторые бельгийцы. Тогда же премьер-министр сказал, что «все европейцы, не имеющие виз, которые прибыли в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Молодая кореянка.

Пусть приходит день — приносит работу: народ Кореи не боится труда.

Пусть приходит ночь — приносит отдых: народ Кореи заслужил его!

Пусть приходит полная зима и лето, и щедрый плодами осень.

Пусть приходит и зима, и лето, и захватит места и прибега на корейской земле!

Но нет на ней места для тех, кто разделяет народ Кореи. Одно солнце горит над этой землей — на севере, и на юге. Одни птицы — от севера до юга — летают над ее полями. Люди одной крови ходят по этой земле.

Эти люди хотят жить вместе. Они хотят этого так сильно, что об этом знает весь мир.

Я кончаю писать о Корее и еще раз прошу с ней. Но, расставаясь, я не говорю ей прошальных слов и не машу горьким платком на прощание. Я говорю слова, которые ей, наверно, нужны, чем грустное «до свидания».

Я говорю ей: — Здравствуй, Корея! Я люблю тебя, Корея! Потому что ты для меня — как очень дорогой человек, идущий в трудную дорогу: он полон сил, я в него верю, у него побед!

СТАЛИНГРАД

НА РАССВЕТЕ, КОГДА

да солнце еще только угадывается за горизонтом, после многих дней лавания в открытом океане берега начали стремительно приближаться к нашему судну, оставаясь «Ленинград» — лишь шарикую лодку вдали. Это — устье реки Конго, «Ленинград», ведущий груз советского зерна — поларок конголезскому народу, вступил в воды Конго. Рейс почти окончен. Позади около однадцать тысяч километров, больше двух недель пути. Впереди меньше сотни миль до реки, до крупнейшего конголезского порта Матади, где будет производиться выгрузка.

Мы еще только несколько часов на конголезской земле, даже не на земле, а на воде, но на нас уже пахнула теми переменами, которые совершаются в этой африканской стране. Так, мы узнали, что нынешний конголезский начальник океанского порта Банана еще недавно был рулевым на катере. Узнали, что на всем океанском побережье Конго остались лишь четверть белых в качестве советников конголезской портовой администрации.

В разговорах часто можно слышать слово «белый». Но не надо думать, будто конголезцы не делают различия между людьми с белым цветом кожи. Для них «белые» — это в первую очередь бельгийцы, которые в течение 75 лет беззаветно эксплуатировали конголезцев и Конго. Это о них говорят в народе, что белые добиваются отторжения от Конго наиболее важных провинций, расчленения страны.

Вот почему на днях премьер-министр Лумумба заявил, что «бельгийцы организуют подрывные группы» в Конго и правительство будет применять в отношении этих групп строгие меры.

Занимаются подрывной деятельностью не только некоторые бельгийцы. Тогда же премьер-министр сказал, что «все европейцы, не имеющие виз, которые прибыли в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арестованы. А таких много», — добавил он.

Но, повторяю, не всех бельгийцев считают врагами. Далеко не всех. Рассказывают, что во время одной патриотической демонстрации в Леопольдвиле из рядов демонстрантов неслась возглас: «Да здравствует Хрущев!»

В этом нет ничего удивительного. Конголезцы воевали за Европу, воевали в Конго в целях шпионажа, будут арест

Испуганный молодой человек

Перед нами необычное послание. Оно необычно озаглавлено: «Открытое письмо моему русскому хозяину». Пришло оно тоже необычным путем: его доставил нам воскресный номер газеты «Обсервер», вышедший в Лондоне 7 августа. Отправитель этого письма — английский писатель Джон Уэйн.

Поскольку, адресу свое письмо «русским хозяевам», Джон Уэйн имел в виду редакцию «Литературной газеты», где он побывал с визитом, мы не откладываем дела в долгий ящик, отвечаем ему с первой же okazji — сегодняшней «Субботной почтой».

НАЧЕМ по порядку. В Англии есть целая плеяда сравнительно молодых писателей, получивших кличку «рассерженных», даже «разгневанных». Уже накопился обширный литературный наследие исследователей этого явления. Критики спорят — чем именно «рассержены» эти молодые люди, стоит ли их «гневу» принимать всерьез, или это только поза, манерничанье, недовольство сбоем сложностей жизни, «грубостью» и «блудливостью» великих событий современности. Студенты британских и наших советских вузов пишут на эти темы курсовые и дипломные работы...

Они из «разгневанных», Джон Уэйн, недавно побывав в Советском Союзе. В Москве его радушно принимали наши писатели. Постил Уэйн и редакцию «Литературной газеты». Визит был долгим, отличался любезностью и сердечностью с нашей стороны, но увидев работником редакции одну особенность. Оказалось, что мистер Уэйн охотно и многословно любит говорить сам, но совершенно не слушает своих собесед-

ников. Теперь мы имеем его собственное признание. «Я плохой слушатель», — пишет он в «Обсервере», «без кроткой меланхолической, что в Москве у него так и «не было подлинного обмена мнениями».

«То же самое, очевидно, произойдет и с моей книгой «Спешив винит», — надолго оправдывается перепуганный Уэйн. В самом деле: «если можно использовать для антизападной пропаганды такого воспитательного и солнечного юмориста, как Ликонок, то как можем избежать этого мы, остальные?»

Он Уэйн, ни при чем. Он совершенно не виноват. Дело в том, оправдываясь, объясняет он, что в Советском Союзе «публикуются исключительно те западные книги, из которых можно сделать вывод, что западное общество умирает или, если не умирает, то настолько дурно, что заслуживает смерти».

На это открытие Джона Уэйна наведя, конечно же, не его собственная книга, а небольшая сборник рассказов известного юмориста Стювена Ликонока, изданный в Москве на английском языке с примечаниями, облегчающими чтение для тех, кто изучает этот язык. Сперва название сборника — «Справочник идеальной любовницы» — вводит Уэйна в заблуждение («Книга имела вид развлекательного чтения»), однако уже с первой же главы прощальный гость раскусил, почему советские издатели поспешили на рассказы Ли-

конок («Это был залп в холодной войне. Ликонок как профессиональный экономист нашел в принятии экономики своего бедного предпринимательства весьма широкий объект для сатиры»).

«То же самое, очевидно, произойдет и с моей книгой «Спешив винит», — надолго оправдывается перепуганный Уэйн. В самом деле: «если можно использовать для антизападной пропаганды такого воспитательного и солнечного юмориста, как Ликонок, то как можем избежать этого мы, остальные?»

«Любить ли Саше Машу?»

НА СТРАНИЦАХ наших газет в последние время появилось немало материалов на так называемую «бытовую», «семейную» тему. Слов нет, тема и серьезная, и важная, но ставить ее следует только в том случае, когда факты как будто чисто личными отношениями представляют несомненный общественный интерес. Только тогда их стоит выносить на всеобщий суд. Вот, скажем, довелось мне прочесть в одной газете: пишет в редакцию девушка из дальнего кишлака о том, что произошла с ней такая история — родные решили ее насильно выдать замуж, отлучить от учебы. И знакомые ей твердили: «Покорись! Жуже будет!»

Городнянской районной газете «Колосский промыв» («Колосный луч») Черноговской области. Читатели — ленинградские педагоги А. Вагина и Е. Вагина — глубоко возмущены материалом, где «использованы интимные подробности, которые придают статье привкус слезлики, то есть опуская статью до уровня остальных бытовых...».

«Смесь наивности и чепухи» — так уже оценил в английской печати «открытие» Уэйна писатель Джон Брейли. Это забавное происшествие, возможно, не привлекло бы нашего внимания (хотя могло бы заинтересовать специалистов по современной английской литературе как добавляющее важный штрих к портрету Уэйна), если бы не одно привходящее обстоятельство.

«Смесь наивности и чепухи» — так уже оценил в английской печати «открытие» Уэйна писатель Джон Брейли. Это забавное происшествие, возможно, не привлекло бы нашего внимания (хотя могло бы заинтересовать специалистов по современной английской литературе как добавляющее важный штрих к портрету Уэйна), если бы не одно привходящее обстоятельство.

А она не покориась. Она не побоялась вынести «семейный сор» из избы... И о ее поступке узнала вся страна. Она обрела громадную поддержку и наша управа на «феодалов».

«Очень важно», — пишут Вагины, — чтобы при освещении вопросов быта и личной жизни было больше чуткости и не было вовсе смакования интимных подробностей».

«Презрительно пишет этот снос о выдающемся английском писателе Чарльзе Сноу, посетившем летом Советский Союз. Сноу с восторгом отозвался о постановке образования в СССР. Это выводит из себя Уэйна. Возмущен он и отзывом другого английского писателя (имени которого не называет), посетившего недавно Ленинград и восхищенного тем, что видел у нас».

«Презрительно пишет этот снос о выдающемся английском писателе Чарльзе Сноу, посетившем летом Советский Союз. Сноу с восторгом отозвался о постановке образования в СССР. Это выводит из себя Уэйна. Возмущен он и отзывом другого английского писателя (имени которого не называет), посетившего недавно Ленинград и восхищенного тем, что видел у нас».

Об этом обязательно надо было написать, потому что бесцерковно место в нашей жизни и нужно истреблять все его проявления!

«Всем сердцем согласна с ленинградскими педагогами».

«Свои не очень-то связанные оправдания Уэйн решил дополнить клеветой по адресу нашей страны, по адресу своих «русских хозяев».

«Свои не очень-то связанные оправдания Уэйн решил дополнить клеветой по адресу нашей страны, по адресу своих «русских хозяев».

На общее обсуждение выносятся вопросы, которые никто не может решить за лиц, о которых идет речь.

Н. ПАНКРАТОВА

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Маша сообщает через молодежную газету, что она любит Сашу. А Саша, не оценив Машиных достоинств и ее горячих чувств, обратил свои взоры на Клашу. Маша пытается через печать вынести вердикт, как ей жить без Саши. Газета предлагает Саше, а заодно и всем читателям подумать над тем, Клаша ли ему нужна...»

«Маша сообщает через молодежную газету, что она любит Сашу. А Саша, не оценив Машиных достоинств и ее горячих чувств, обратил свои взоры на Клашу. Маша пытается через печать вынести вердикт, как ей жить без Саши. Газета предлагает Саше, а заодно и всем читателям подумать над тем, Клаша ли ему нужна...»

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«В подобном изложении «сюжета» нет никакой утрировки. И можно назвать не одну газету, которая, соблазнившись бытовой «фактурой» материала, комментирует, обсуждает личные, глубоко индивидуальные переживания людей».

«В подобном изложении «сюжета» нет никакой утрировки. И можно назвать не одну газету, которая, соблазнившись бытовой «фактурой» материала, комментирует, обсуждает личные, глубоко индивидуальные переживания людей».

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Если муж сорвется с женой из-за неверной толпы, если она упрекает его в ответ на это в депрессию, а он после этого садится и стучит в газету письмо о том, что у них с женой «разные интеллектуальные уровни», и с душевными подробностями описывает их прежние ссоры и примирения, редакция, каюсь, бы, должна ответить такому человеку письмом, дать совет в индивидуальном порядке. Вместо этого случается, что предлагают читателям поковыряться в сложностях чужого семейного уклада и отключить что-либо подпадающее для отключков... Вот конкретный пример. В газете «Литература и жизнь» 1 июля 1960 г. появилась заметка о судьбе двух близких людей, которая кончалась так: «Правда, Маша не просит... чтобы кто-то третий подкачал им, как жить дальше. Но этот третий нужен. Может быть, этим третьим станет читатель нашей газеты. Давайте вместе подкажем Александру и Саше К., как им жить дальше, чтобы их семья снова стала дружной... Пишите им по адресу...»

«Если муж сорвется с женой из-за неверной толпы, если она упрекает его в ответ на это в депрессию, а он после этого садится и стучит в газету письмо о том, что у них с женой «разные интеллектуальные уровни», и с душевными подробностями описывает их прежние ссоры и примирения, редакция, каюсь, бы, должна ответить такому человеку письмом, дать совет в индивидуальном порядке. Вместо этого случается, что предлагают читателям поковыряться в сложностях чужого семейного уклада и отключить что-либо подпадающее для отключков... Вот конкретный пример. В газете «Литература и жизнь» 1 июля 1960 г. появилась заметка о судьбе двух близких людей, которая кончалась так: «Правда, Маша не просит... чтобы кто-то третий подкачал им, как жить дальше. Но этот третий нужен. Может быть, этим третьим станет читатель нашей газеты. Давайте вместе подкажем Александру и Саше К., как им жить дальше, чтобы их семья снова стала дружной... Пишите им по адресу...»

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«У семьи К., о которой идет речь в заметке, — трудный момент. Муж учитель, два маленьких детей, все хозяйственные заботы на плечах Маши... Ну, и, вдобавок, ей приходится лезть куда-то в семейные дела... Но ведь рядом с ними нависла тень... и друзей, и товарищи, и родные. Почему бы не обратиться к ним? Почему сразу в газету о мелочах и драматизм? И надо ли газете занимать этими драматизмами внимание всех?»

«У семьи К., о которой идет речь в заметке, — трудный момент. Муж учитель, два маленьких детей, все хозяйственные заботы на плечах Маши... Ну, и, вдобавок, ей приходится лезть куда-то в семейные дела... Но ведь рядом с ними нависла тень... и друзей, и товарищи, и родные. Почему бы не обратиться к ним? Почему сразу в газету о мелочах и драматизм? И надо ли газете занимать этими драматизмами внимание всех?»

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Думаю, что это не только мое мнение... Недавно в редакцию «Литературной газеты» пришло письмо по поводу статьи «Закон за это не карает...», помещенной в

«Думаю, что это не только мое мнение... Недавно в редакцию «Литературной газеты» пришло письмо по поводу статьи «Закон за это не карает...», помещенной в

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

«Мне открыла глаза, товарищи», — пишет Уэйн, обращаясь к нам, — измен-

Подвиг и бумажка

ВОЗВРАЩАЯСЬ поездом из Росоши молодой, я случайно познакомился с человеком, судьба которого глубоко меня взволновала. В вагоне, неподалеку от меня, сидели двое мужчин. Один из них с жаром что-то доказывал своему соседу, а тот, приложив к уху искаленную руку, напряженно вслушивался в его слова.

сидел ему, рассказал о своих мемуарах. Г. Кузин выдал официально заверенное подтверждение, что действительно по его приказу в 1943 году Беспапов разминировал поля в колхозе имени Шевченко. Но в Росошанском райисполкоме (Ново-Калитвенский район сейчас вошел в Росошанский) повертели, повертели это подтверждение и вернули обратно.

Заметив, что я обратил на них внимание, говоривший повернулся ко мне: — Вы послушайте его историю! Это же безобразие, сущее издевательство над человеком! Я пошел к ним. — Посмотрите на его руки! — На левой не было кисти, а на правой чудом сохранился только мизинец. — Как видите, инвалид. А пенсию не получает. — Не может быть! — Я тоже думал, что не может быть. Но факт остается фактом. — Почему? — Что тут рассказывать, — сказал инвалид. — Все равно бесполезно. Впрочем, единственный палец чудом вымырнул из нагрудного кармана несколько истерзанных бумажек. — Прочитайте, в них вся моя история...

Подтверждения отдельных граждан не могут служить основанием для направления на ВТЭК. Пишет Беспапов в обласко. Оттуда отвечают: «...для прохождения ВТЭК и назначения пенсии в райисполком представить в райисполком документ той организации, которая мобилизовала Вас на разминирование полей. Рекомендуем обратиться в райвоенкомат за получением документа». А райвоенкомат снова отказывает в выдаче, ссылаясь на то, что письменного приказа в делах нет. И в этом замкнутом кругу Беспапов вертится вот уже семнадцать лет. Семнадцать лет тянется возмущительная волокита! Когда же наступит конец этому безобразию?

Презрительно пишет этот снос о выдающемся английском писателе Чарльзе Сноу, посетившем летом Советский Союз. Сноу с восторгом отозвался о постановке образования в СССР. Это выводит из себя Уэйна. Возмущен он и отзывом другого английского писателя (имени которого не называет), посетившего недавно Ленинград и восхищенного тем, что видел у нас.

И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сити ездил в Москву от Общества директоров. Буржуазная газета «Ивинг стандарт» передавала его впечатления в номере от 8 июля 1960 года. «Перед нами были открыты все двери», — заявил корреспонденту газеты г-н Китчен. — Нам были предоставлены все возможности задавать сколько угодно вопросов. Нигде не существовало никаких барьеров. Китчен рассказывает, что он видел на советских предприятиях, что именно привело на него большое впечатление. Вот что, как его воспроизводит газета: «Русским предостоят выполнить грандиозную программу. Все они хотят, чтобы во всем мире царил мир, — ведь это даст им возможность превратить свои планы в жизнь».

«И вот потянулись месяцы, годы... В 1945 году Беспапов постиг еще один удар: ушла жена, оставив его с малолетним сыном. Пришлось заколотить дом и уехать в другой район. Правда, потом Беспапов встретил женщину, которая, не обратив внимания на его инвалидность, стала его другом на всю жизнь.

«Рассердится», несомненно, Уэйн и на отзыв одного из многих британских капиталистов, также недавно посетивших Советский Союз. Недавно Питчер, глава страховой компании «Перл Иншуренс компани», вместе с другими финансистами из Лондонского Сит